

О.Б.Сиротинина
Основные критерии хорошей речи

Как это ни парадоксально, дать определение хорошей речи не так просто. С одной стороны, представление о том, что такое хорошая речь, исторически изменчиво. Каждому ясно, что в XX веке не может быть признана хорошей та речь, которая была образцовой не только для XVIII, но и для первой половины XIX века, даже если мы читаем тексты «создателя современного русского языка», каковым по праву считается А. С. Пушкин. (См., например, типичное для него, но не для современных норм русской речи выражения типа: <...> *странное молчание царствовало в сей толпе; ...за коими находилось несколько шалашей; ...обе обрадовались ей как находке и положили исполнить ее непременно*).

Значительно сложнее обстоит дело с речью конца XIX – первой половины XX века. Эта речь уже не вызывает явного возражения, но иногда тоже воспринимается как не совсем современная. Из этих примеров можно сделать вывод, не требующий специальных научных разысканий о том, что как хорошая не может восприниматься речь не современная. В обществе происходят со временем явные сдвиги в представлениях об эталоне хорошей речи [Сиротинина 2000]. В определенный период развития общества подобные сдвиги наблюдаются даже в сравнительно короткие периоды времени. Один из таких сдвигов мы пережили (и продолжаем переживать) в 90-х годах XX века.

С другой стороны, представление о хорошей речи, ее эталоне обусловлено социально, а иногда и территориально. Так, во время одной из диалектологических экспедиций деревенские жители сообщили нам, что говорить, спрашивать *Куда идешь?* некультурно, нехорошо, а надо говорить *Далеко ль пошла?* Различны представления о хорошей речи у разных поколений (отношение к жаргону, ты-общению, именованию людей без отчества и т. д.). Следовательно, и одна и та же речь будет восприниматься по-разному с точки зрения ее качества человеком старым, среднего возраста и молодежью. И, очевидно, нельзя подходить к оценке речи с одними и теми же критериями без учета возраста и социальной (хотя бы профессиональной) принадлежности говорящего (всем известны примеры особых ударений в речи моряков (компа/с, рапо/рт) и в речи медиков (упорное *а/лкоголь, наркомани/я* и т. д.). Однако наряду с узуальной «медицинской» нормой (*ка/мфара, афазия*), «юридической» (*осу/жден, возбу/ждено*) существует кодифицированная норма произношения, зафиксированная не только в словарях, но и в речи высококультурных медиков [Кочеткова 1999]. Поэтому встает вопрос о допустимости или недопустимости каких-то профессиональных нарушений норм.

Совершенно очевидно, с третьей стороны, что не может быть одинакова речь письменная и устная, монологическая и диалогическая, речь в условиях публичного или массового и в условиях неофициального общения и т. д. Отсюда зависимость оценки речи от функционально-стилевой принадлежности, формы (устная / письменная) и условий ее осуществления.

Е. Н. Ширяев [Ширяев 1991; 1996; 1998; 2000] дал очень емкое определение культуры речи: «Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [Ширяев

2000: 13]. В этом определении важно то, что оно должно обеспечить наибольший эффект не вообще (что невозможно), а в определенной ситуации и для выполнения поставленных (а не любых) коммуникативных задач, и то, что все это должно осуществляться при соблюдении современных языковых норм и этики общения. Кажется только, что для определения культуры речи больше подходит слово *выбор*, а не *набор* (см. именно слово «выбор» в определении культуры речи, данном Е. Н. Ширяевым в 1991 году [Ширяев 1991: 59] и повторенном в 1998 [Ширяев 1998: 16]. Определение же словом «набор», скорее, характеризует не культуру речи как понятие более абстрагированное от конкретных речевых актов и произведений, а результат культуры речи, ее производное в виде конкретного речевого акта или речевого произведения, т. е. хорошую речь.

Итак, хорошая это речь или плохая, нельзя решать вне учета ее ситуации, поставленных говорящим (пишущим) коммуникативных задач, но это обязательно такая речь, в которой соблюдаются современные языковые нормы и этика общения и которая может способствовать достижению наибольшего эффекта.

Таким образом, хорошая речь – это прежде всего речь целесообразная. Именно поэтому не может однозначно оцениваться ни, скажем, фраза *Бабки гони*, ни фраза *признан умершим* (так оскорбившая вдов запись о причине смерти моряков с подводной лодки «Комсомолец»). Первая фраза вполне допустима в дружеском общении молодежи, поскольку будет адекватно понята адресатом и не вызовет у него никаких обид и опасений в ситуации, например, разговора о походе в кино и предложении купить билеты. Но эта фраза окажется совершенно неуместной, грубой, может быть, даже угрожающей в другой ситуации: при обращении не к ровеснику, тем более не к знакомому человеку, и просто невозможной – в ситуации предложения дать какую-либо купюру во время, например, лекции для демонстрации ее особенностей, защитных свойств и т. п. Вторая фраза уместна, целесообразна и даже единственно возможна (одна из принятых для клишированного обозначения причины смерти), однако за пределами юридической регламентации вызвала боль и обиду.

Приведенное выше определение культуры речи – емкое и точное – несомненный пример хорошей научной речи, но вряд ли неспециалистами будет оценено как хорошее – слишком длинное, не вполне понятное (что такое «языковые нормы», «коммуникативные задачи»? Как сказал один из опрошенных мною: *А с чем это едят?*). Понятное для лингвиста, для людей иного образования такое определение требует особых разъяснений для того, чтобы быть понятным.

Целесообразность речи как критерий ее хороших качеств касается не только формы выражения мысли (*Гони* или *Дай, пожалуйста; признан умершим* или *погиб*), но и самого содержания сказанного или написанного, что связывает целесообразность речи с этикой общения (в доме повешенного не говорят о веревке, о покойном или хорошо или ничего и т. д.). Менее яркая связь с этикой общения целесообразности или нецелесообразности речи наблюдается в таких случаях, когда говорящий говорит о чем-либо, не сообразуясь с интересами или возможностями понимания адресатом каких-то деталей, важных для говорящего, но непонятных или неинтересных слушателю.

Безусловное качество хорошей речи – ее соответствие этике общения (и с точки зрения содержания, и с точки зрения самих использованных форм: выбор той или иной лексики, формы императива, использование имени или имени и отчества, вы- или ты-общения и т. д.).

Но дело не в выборе самих слов или форм, а в их соответствии ситуации общения, включая в нее соотношение адресанта и адресата, т. е. фактически речь опять идет о целесообразности

использования тех или иных слов и форм. Очевидно, что целесообразность речи – главный критерий хорошей речи.

Соблюдение современных языковых норм также входит в данное нами определение.

Действительно, не может быть хорошей речь неправильная. Прежде всего это связано с тем, что неправильная (в любом отношении) речь затрудняет понимание. Это происходит и при использовании незнакомых иноязычных слов, тем более при их употреблении не с тем значением, которое зафиксировано в словарях (*неадекватный* в значении «нестандартный», *одиозный* в значении «слишком хвалебный» и т. д.). Такое же затруднение вызывает использование жаргонных слов, особенно до их широкого распространения (проверка на студентах показала, что еще два-три года назад большинство саратовских студентов не понимало жаргонного значения слова *отдыхает*; весной 2000 г. им не были известны и потому были непонятны выписанные мною из газет *его способности здесь не качали*, записанное с экрана телевизора, *Я Вам на голубом глазу говорю* и т. д.); затрудняет понимание и, следовательно, противоречит критерию хорошей речи несвойственная русскому языку сочетаемость русских слов. Например, в речи спортивного комментатора во время чемпионата мира фигуристов: *Гениальные прыжки, плотные выбросы*. Если еще можно принять гениальность прыжка, то что означает сочетание *плотные выбросы*, к тому же сопровождаемые комментарием, что по условиям чемпионата их может быть только два? В другом репортаже с этого чемпионата слышим: *Это типичный американский стиль катания. Легко, с улыбкой преподают себя*. Последнее, вероятно, просто оговорка, но первое не оговорка, а дань привычному журналистскому штампу (постоянно: *плотные переговоры, плотно обсуждали* и т. д.).

Многие неправильности пониманию не мешают, но тем не менее исключают хорошее качество речи, поскольку вызывают со стороны адресата или наблюдателя незапланированное говорящим впечатление от его речи, как речи не очень культурного человека. С одной стороны, это просто отвлекает внимание адресата от содержания сказанного. Частотно, например, неправильное склонение сложных числительных (*более семиста, до двухтысяч пятого года, из шестиста наемников*), неправильные ударения, неправильные формы (*проедьте по окружной дороге* – в речи Ст. Говорухина), неправильные употребления слов (*Да, порой нелицеприятно знать правду* – КП 28.12.00; *нелицеприятное для себя решение* – МК 1.03.2000; в речи Е. Киселева: *произносил не вполне лицемерные слова* – Итоги 4.07.99 и т. д.). Особенно заметен был этот незапланированный эффект в словах начальника СИЗО, неоднократно прозвучавших в телепередаче, во время скандала с арестом В. А. Гусинского (июнь 2000 г.): *Рядом с ним сидят интеллигентные люди: один фальшивомонетчик, другой – за экономическое преступление – никакие не уголовники*.

Вместе с тем следует учесть, что некоторые неправильности в определенных условиях вполне допустимы: они могут стать условием или составной частью языковой игры (запланированная неправильность речи) или быть простой оговоркой, особенно в спонтанной речи, тем более при ослабленном самоконтроле в неофициальном общении (подмена забытого слова первым пришедшим на ум и т. д.). В отличие от запланированных неправильностей их можно назвать случайными неправильностями (см., например, в речи человека высокой речевой культуры неожиданное *Я не помню / на Распопова послали программу? На Головина послали*).

Очевидно, что ни первые, ни вторые не могут служить критерием плохой речи, хотя вторые во всяком случае не могут служить и качеством хорошей речи (первые, если адресат улавливает, что это игра, достаточно компетентен для этого и не может заподозрить собеседника в низкой речевой

культуре, могут быть и признаком хорошего качества речи. Однако присутствие посторонних наблюдателей меняет дело и в таком случае).

Мы уже говорили, что оценка качества речи зависит от очень многих условий, в том числе социолингвистических. Жаргонизмы в речи молодежи и в речи людей солидного возраста, в неофициальном и в официальном общении не могут оцениваться одинаково. Однако нельзя как хорошую оценивать речь любых адресантов и в любых условиях, если жаргон полностью вытеснил в данном дискурсе литературную лексику. Следовательно, критерием, если не хорошей в полном смысле этого слова, то хотя бы допустимой речи должны быть, с одной стороны, степень ее литературности (возможны отклонения, но не отсутствие литературных средств общения) и опять же степень целесообразности использования тех или иных языковых средств.

С другой стороны, безусловно, критерием хорошей речи в любом случае остается ее понятность адресату, поэтому недопустимы не только малоупотребительные в русской речи иностранные слова (например, *проксенетизм, сикофанты, абсентеизм*), использованные без пояснений в газетных статьях, предназначенных для широкого читателя, столь же непонятные массовому потребителю СМИ жаргонизмы, диалектизмы, но и специальные термины, хотя они и входят в литературный язык.

Можно ли считать, что в критерий хорошей речи входит обязательная запланированность использования каких-то языковых средств? Иными словами, является ли хорошая речь риторически организованной? Думается, что однозначного ответа на этот вопрос нет. Как правило, риторически организованная речь лучше, эффективнее по своему воздействию. Но в продуманной заранее речи могут быть и риторические просчеты (см., например, предвыборное обращение Г. А. Явлинского 2000 г., в котором слишком много *я*, сложного для понимания широким читателем). См. также мнение по поводу ставшей притчей во языцех фразы В. В. Путина *будем мочить в сортире* (одни считают, что это было не только задумано, но и «посоветовано», а другие, что прорвался из-за спонтанного ответа речевой субстрат; одни считают фразу удачей, другие осуждают В. В. Путина за ее грубость и нелитературность, независимо от того, задумана она была или спонтанна [см.: Вепрева 2000]).

С другой стороны, риторически организованная речь настолько противоречит условиям разговорного общения, что даже в случае ее осуществления (сомнительна сама его возможность), вызвала бы неприятие такой речи, из-за ее нарочитости. Разговорная речь, как правило, заранее не продумывается, поэтому намеренность в ней употребления какого-то языкового средства, особого приема, в том числе и языковой игры, весьма относительна.

Меткость разговорного слова не может служить обязательным критерием оценки речи как хорошей, поскольку это характеризует не столько речь человека, сколько его психологические качества: способность к быстрой реакции (за словом в карман не полезет), наличие чувства юмора. Без этих качеств человек самой высокой речевой культуры может затрудняться в выборе слова, вспоминать не самое меткое и удачное, обращаться за помощью к собеседнику, искать нужные пояснения и т. д. Конечно, такая речь не вызовет восхищения, не будет блестящей, но именно в условиях спонтанного непринужденного общения останется тем не менее хорошей. См., например: *Я таких полок не видела никогда* (каких таких, понятно только потому, что полки перед глазами); *А там такая штуковина / Ну как она называется? – Гайка – Вот-вот гайка // Вылетело из головы //*

Хорошая речь – речь не стереотипная, повторяющая набившие оскомину штампы, затасканные выражения, а творческая, выражающая интенции ее автора и вызывающая адекватное понимание

у адресата. Именно адекватность понимания делает речь эффективной и поэтому далеко не всякую несомненно творческую, оригинальную речь можно назвать хорошей, например, хорошей обычно не является речь М. Соколова (Известия), несмотря на все его изыски и даже благодаря им. Однако не может быть названа хорошей и речь Элочки-людоедки, не способной выразить ни сложные мысли, ни многие понятия. Очевидно, что хорошая речь нуждается в большом словарном запасе, необходимом для выражения любого понятия, любой мысли и любого чувства. Только при этом не надо забывать, что наличие большого словарного запаса и даже умение свободно им пользоваться (что не всегда сопутствует пассивному лексикону), необходимое, но еще не достаточное условие хорошей речи: надо еще помнить о возможностях адресата понимать сказанное.

Само наличие большого запаса слов находится в прямой связи с типом речевой культуры [Гольдин, Сиротинина 1993; 1997], который в свою очередь тесно связан с типом общей культуры. Как правило, хорошая речь продуцируется носителями элитарного типа речевой культуры. В сфере литературного языка находятся два сложившихся (элитарный и среднелитературный) и два складывающихся типа (литературно-разговорный и фамильярно-разговорный, обычно пересекающийся с жаргонизирующим, который находится уже за пределами сферы литературного языка).

Остановимся на них подробнее.

Элитарный тип. Носители элитарного типа – люди, владеющие всеми нормами литературного языка, выполняющие этические и коммуникационные нормы. Это означает соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием устной или письменной речи. Для носителя элитарного типа речевой культуры характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи, «неперенос» того, что типично для устной речи на письменную речь, а того, что свойственно письменной речи – на устную. В какой-то мере соблюдение коммуникативных норм требует знания и практической реализации риторических правил общения.

Элитарный тип речевой культуры – воплощение общей культуры в ее наиболее полном виде: хотя бы пассивное владение достижениями мировой и национальной культуры (знание артефактов материальной культуры, знакомство с литературными шедеврами, шедеврами искусства, хотя бы представление о гениях науки и т. д.). Именно общекультурная составляющая обеспечивает богатство как пассивного, так и активного словарного запаса. Умение мыслить обеспечивает логичность изложения мыслей. Речевая культура элитарного типа основана и на широком охвате сознанием говорящего (пишущего) разнообразных прецедентных текстов, имеющих непреходящее общекультурное значение. Именно на такие тексты носитель элитарного типа речевой культуры ориентируется в своей речи. Отсутствие самоуверенности в своих знаниях вырабатывает у него привычку постоянно пополнять свои знания, основываться для их проверки на авторитетных текстах, словарях и справочниках, а не на услышанном по радио или телевидению, прочитанном в газете и т. д.

Среднелитературный тип. Носителями этого типа речевой культуры является большинство образованного населения России: большинство людей с высшим образованием и значительное количество людей со средним образованием. Этот тип воплощает общую культуру человека в ее упрощенном и далеко не полном варианте. При этом характерной чертой среднелитературного типа является принципиальная удовлетворенность своим интеллектуальным багажом, отсутствие

потребности в расширении своих знаний и умений, тем более в их проверке. Самоуверенность носителя среднелитературного типа речевой культуры приводит к системным ошибкам в орфографии, пунктуации, произношении, словоупотреблении и т. д. без тени смущения или даже с агрессивной защитой именно такого отношения к правилам (*Ну и что!?*), а нередко и оспариванием правоты заметившего ошибку (*Нет, прав я: должно писаться правотизации, т. к. это приобретение права на какую-то собственность* – из письма ведущему саратовской радиопередачи «Служба языка» проф. г. Г. Полищук). Очень частотны при этом ссылки на радио и телевидение (*Я же по телевидению слышал квартал*). Телевидение и другие средства массовой информации, а также популярная литература, нередко «макулатурного» типа, служит для носителей этого типа безусловным прецедентным текстом, речевая ущербность таких текстов носителями среднелитературного типа не осознается.

Среднелитературный тип – не до конца освоенный элитарный, поэтому в нем есть соблюдение норм литературного языка, даже стремление к большей «литературности», но при отсутствии необходимых знаний это приводит к искаженным представлениям о правильности, злоупотреблению книжными и иностранными словами (о снежных фигурах под Новый год: *фигуры растаяли конкретно* – Вести, 27.12.99). *Конкретно, типа, короче* (как заполнитель паузы) – весьма частотные слова в речи носителя этого типа. Частотны и иностранные слова с неправильным произношением и употреблением (*недостаток движения, то бишь гипоксия* – Рос. газ.; *Методом биолактации установлено, что все поля взаимодействуют между собой* – Рос. газ.; неправильно употреблены слова *гипоксия* (надо: гиподинамия), *биолактация* (надо: биолокация).

Общекультурный уровень обеспечивает и степень богатства / бедности словарного запаса (не подозревая разницы между вирусами и бактериями, тележурналисты и газетчики спокойно говорят и пишут о вирусе холеры, вирусе стрептококка и т. д.). Отсутствие в сознании носителей среднелитературного типа речевой культуры большого словарного запаса не позволяет им использовать в своей речи широкие синонимические возможности русского языка, что превращает их речь в штампованную: либо по типу старого новояза, либо с засильем сниженной лексики, к которой и сводится стремление сделать речь экспрессивнее. Отсюда огромное количество в СМИ уродливых суррогатов экспрессивной лексики: *окромя, навроде, надьсь, вскорости* и т. д.

Среднелитературность речевой культуры наших журналистов, речь которых является прецедентной (и даже эталонной) для носителей среднелитературного типа речевой культуры, создает замкнутый круг и способствует воспроизведению и все более широкому распространению именно среднелитературного типа речевой культуры.

Воспроизводятся и широко распространяются не только различные неправильности произношения, словообразования, формообразования (*Даден высочайшим мэрским повелением особняк и Церетели* – Изв. 7.09.99), словоупотребления и т. п., но и нарушения традиционных национальных коммуникативных и этических норм. Именно журналисты ввели и широко распространили еще недавно чуждое русской традиции общения именование взрослого человека без отчества (*Борис Ельцин, Владимир Путин*), использование ты-общения и обращений по домашним именам не только в неофициальной, но и в официальной обстановке.

Литературно-разговорный, как и фамильярно-разговорный типы начали складываться как самостоятельные только в 90-х годах XX века. Если для носителя среднелитературного типа речевой культуры, в отличие от носителей элитарного типа, характерно владение далеко не всеми функциональными разновидностями литературного языка (как правило, это разговорная речь и

один из функциональных стилей, необходимый профессионально: для ученых – научный, для журналистов – публицистический и т. д.), то для носителей «разговорных» типов характерно владение только разговорной системой общения, которая и используется ими в любой обстановке, в том числе и официальной. Своей стилевой и стилистической монотонностью всегда сниженной речи «разговорные» типы сближаются с просторечным типом речевой культуры.

Различаются «разговорные» типы только степенью сниженности речи. В литературно-разговорном типе преобладает ты-общение и домашние имена типа *Серезжа*, в фамильярно-разговорном – ты-общение становится единственно возможным, а в обращении предпочитается *Серезжа, Серезга*. И в том и в другом типе наблюдается огромное количество используемых в речи жаргонизмов, но в фамильярно-разговорном усиливается доля грубых слов и просторечных элементов. Вместе с тем и в том и в другом типе встречается большое количество иноязычной лексики и книжных слов, которые нередко становятся простыми заполнителями пауз, так что рядом встречаются и *конкретно, короче, типа, в натуре и блин, бля* и т. п.

Ни о каком соблюдении этических и коммуникативных норм в этих типах речевой культуры говорить не приходится. К тому же очень типично неразличение письменной и устной формы речи и полное неумение строить монологический текст (отсюда бесконечные вопросы к непосредственному собеседнику в студии (*Ты меня понимаешь? Понимаешь?*) при полном игнорировании возможностей понимания истинным адресатом речи – телезрителем.

Конечно, тележурналисты – носители не разговорных типов речевой культуры, но приглашаемые ими в эфир гости часто являются таковыми и тем самым телевидение распространяет и эти типы речевой культуры, делает их как бы допустимыми в глазах (ушах) населения.

В некоторых случаях разговорные типы речевой культуры объединяют журналистов и «гостей» во всяком случае в равной мере используемым разговорным (неполным) стилем произношения с предельной редуцией, употреблением домашних имен, «фатического трепа» с жаргонизмами и иноязычной лексикой вперемешку [Федосюк 2000]. Такие «неразличения» журналистов и «гостей» особенно характерны для ночных эфиров музыкальных радиостанций, нередко на радио «Эхо Москвы», саратовском «Хит в рабочий полдень» и в некоторых развлекательных телепередачах.

Разговорная скороговорка с сильной редуцией встречается и в речи журналистов, во всем остальном соответствующей среднелитературному типу речевой культуры, что, конечно, мешает адресату адекватно и полно воспринимать сообщаемое (Изв. 22.08.2000, статья А. Слаповского).

Что касается соблюдения ортологических норм, то в «разговорных» типах оно может быть даже полным. Ущербность этих типов заключается в распространении законов непринужденного персонально адресованного неофициального общения на речь в любой ситуации. Разумеется, речь носителей этих типов может быть хорошей только в непринужденном разговоре с близкими или друзьями (может, конечно, из-за грубости не быть; хорошей и в таких условиях).

Речь носителей среднелитературного типа речевой культуры вполне может быть хорошей не только в дружеском общении, но и в профессиональной деятельности, однако за пределами указанных ситуаций их речь может быть беспомощна. По-настоящему хорошая речь в любой ситуации встречается только у носителей элитарного типа речевой культуры, хотя какие-то погрешности могут быть и у них.

Сказанное выше заставляет обратиться еще к одному параметру хорошей речи – допустимости и недопустимости тех или иных отклонений от норм. Начнем с ортологических норм. Давно известно, что нельзя с одной и той же строгостью относиться к орфографическим ошибкам в

проверяемых и непроверяемых орфограммах, что многое в нашей орфографии должно быть изменено (обсуждение изменений идет уже много лет), что есть расхождения кодификаций в словарях и визуальной практике (использование прописных букв, написание некоторых наречий и сложных прилагательных), есть ошибки в редких словах и в часто встречающихся. Очевидно, что орфографические ошибки неравноправны с точки зрения степени их допустимости. Слово *доцаник*, наречия *на авось*, *назло*, *донельзя* и т. д. требуют для правильного написания обращения к словарю, тогда как раздельное написание предлогов, проверяемое написание слова *вода* и т. п. полностью подчиняются орфографическим правилам, а слово *собака* настолько частотно, что должно было запомниться в правильном написании. Очевидно, что подлежащее реформированию и требующее проверки по словарям – ошибка менее грубая. Письменная речь без единой ошибки встретила мне лишь у одного носителя элитарного типа речевой культуры, в речи других ошибки были возможны, но единичны и не грубые (речь не идет о тех случаях, когда слитное или раздельное написание может иметь разный смысл и потому быть оспорено).

В речи носителей среднелитературного типа речевой культуры орфографические ошибки не только негрубого типа из-за отсутствия привычки заглядывать в словарь достаточно частотны, в том числе они встречаются и в печатных изданиях: «<...> *то есть никакой-то одной организации <...>, а организаций, замкнутых в единую систему*» (КП, 1.07.2000), *Памятник Чернышевского* (Саратов-СП, 9.09.2000). Встречаются и грубые орфографические ошибки в рукописных текстах (например, в студенческих и даже аспирантских работах).

Аналогично обстоит дело с пунктуационными нормами. Носитель элитарного типа речевой культуры не делает грубых пунктуационных ошибок (не напишет без запятых сложных предложений, выделит запятыми обособления и вводные слова), но может не различать постановкой тире или двоеточия разных отношений в бессоюзном сложном предложении.

Носитель среднелитературного типа может обходиться и вообще без пунктуационных знаков, не пользоваться красной строкой и т. д. При этом следует учесть, что в современной пунктуационной системе довольно много возможностей для факультативной постановки знаков, используемых в экспрессивных целях. Носитель элитарного типа речевой культуры пользуется ими не всегда осознанно, но всегда осмысленно (см. работы Е. В. Дзякович), тогда как носитель среднелитературного типа о возможности использовать факультативные знаки не подозревает и / или совсем ими не пользуется, или использует их случайно наряду с отсутствием необходимых знаков и наличием излишних (могут обособить *все-таки*, *наконец* во временном значении и т. д.).

Аналогично обстоит дело с орфоэпическими нормами. В речи носителя элитарного типа можно встретить не только соблюдение строгой нормы, но и отдельные случаи употребления такого ударения или произношения, которое в словарях имеет помету *доп.* и даже *не рек.*, но такое произношение не составляет систему (отдельные слова). Особенно часто это бывает в тех случаях, когда узуальная норма расходится с кодифицированной. Так, до 1985 г. в словарях указывалось ударение *фо/льга*, однако за всю свою жизнь я ни разу ни от кого не слышала такого ударения. Все известные мне носители элитарного типа произносили *фо/льга/*. Теперь именно это ударение кодифицировано. Видимо, придется кодифицировать ударение *обеспе/ние*, поскольку в речи подавляющего большинства людей, во всем остальном соблюдающих кодифицированные нормы и полностью соответствующих элитарному типу речевой культуры, наблюдается подобное произношение (это, конечно, не значит, что так произносят все носители элитарного типа).

Довольно частотны отклонения от кодифицированных норм в тех случаях, когда кодификация не имеет четких оснований: почему можно говорить *декан* и *д[э]кан*, *декада* и *д[э]када*, но только

декоратор, музей, тенор, крем, морфема и только *фон[э]ма, фон[э]тика, т[э]мбр, т[э]мп*. Нами зафиксированы в таких и подобных словах ошибки и в речи носителей элитарного типа речевой культуры: тот, кто не допустит в своей речи ни *т[э]ма*, ни *акад[э]мия*, может тем не менее сказать *муз[э]й* и *кр[э]м*, а тот, кто говорит *т[э]нор*, может произносить и *фонема, фонетика*.

В речи носителей среднелитературного типа речевой культуры подобные ошибки и частотнее и грубее (широко распространено не только *т[э]ма, акад[э]мия* и *акад[э]мик*, но даже *т[э]рнии* и *Каренина*).

В речи носителей среднелитературного типа нарушаются не только орфоэпические (*красиве/е, зво/нит, Что*; сохранение *А* после мягких согласных в первом предупредительном слоге: *пятно, обязательно, шо/фер, средства/*), но и нормы формообразования (*даден*). Многие из таких нарушений для среднелитературного типа превратились в узуальную норму (*приедь, поехай, Никитович*), нередко проникающую даже в речь отдельных носителей элитарного типа речевой культуры, но не перестающими быть ошибками. Любопытно, что в речи носителей «разговорных» типов подобных ошибок может быть даже меньше, чем в среднелитературном типе.

Особенно частотны в среднелитературном типе ошибки в склонении сложных числительных: их образование действительно может вызывать затруднения (почему *ста, двухсот, трехсот, пятисот, до двухтысячного года, но до две тысячи первого, второго, третьего* и т. д.), они почти не встречаются в письменной речи (обозначаются там цифрами) – в результате по радио и с экрана телевизора мы постоянно слышим ошибочное образование формы даже в речи журналистов, относящихся или близких к элитарному типу (Е. А. Киселев, Н. К. Сванидзе). Но допустимы ли подобные ошибки?

К сожалению, кодификация нередко поддерживает ошибочные формы и ошибочное произношение в качестве допустимого (*до/говор, хотя при/говор* не рекомендуется, *дьякона/*), в качестве равноправного: *слесаря/, трактора/*, а некоторые ученые даже рассматривают многие такие неправильности просто как социально (профессионально) ограниченные в своем употреблении (*осу/жденный* и *возбу/жденный, обыска/* – в речи юристов, *наркомани/я, а/лкоголь* – в речи врачей, *торта/* – в речи кондитеров и т. д. [Крысин 2000]). Такая профессионализация действительно имеет место, но тем не менее и среди юристов, и среди врачей есть такие носители элитарного типа речевой культуры, которые соблюдают общелитературные, а не профессиональные нормы, и именно эти представители соответствующей профессии обладают наиболее широкой и глубокой общей культурой.

Еще более сложны для определения границ допустимого факты нарушения лексических и стилистических норм, поскольку зыбкими являются критерии целесообразности употребления того или иного слова, обладающего ярко выраженной экспрессивностью. Появление словаря общего жаргона [Ермакова и др. 1999] – одно из доказательств этого. В таких случаях решение вопроса о целесообразности включения в речь того или иного слова, словосочетания должно определяться с учетом функционально-стилевой и жанровой принадлежности текста.

Итак, можно сделать несколько выводов из сказанного выше.

1. Хорошая это речь или плохая, нельзя решать вне знания ситуации ее осуществления и распространения, ее целей и задач, отношений между коммуникаторами, характера и свойств адресата речи.
2. Хорошая речь – целесообразная речь, успешная для адресанта и эффективная для адресата.
3. Правильность речи – необходимое, но недостаточное качество для критерия хорошей речи.

4. Хорошая речь всегда соответствует нужной в данной ситуации функциональной разновидности литературного языка и используемой форме речи (устной или письменной), национальным традициям общения и этическим нормам поведения.

Впервые опубликовано в книге: «Хорошая речь». О. Б. Сиротина, Н. И. Кузнецова, Е. В. Дзякович и др. // Под ред. М. А. Кормилициной и О. Б. Сиротиной (Саратов, 2001).

Список литературы:

1. *Сиротина О. Б.* Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века. – М., 2000.
2. *Кочеткова Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Саратов, 1999.
3. *Ширяев Е. Н.* Культура речи как лингвистическая дисциплина // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. Ч. 1.
4. *Ширяев Е. Н.* Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.
5. *Ширяев Е. Н.* Современная теоретическая концепция культуры речи // Культура русской речи: Учебник для вузов. – М., 2000.
6. *Гольдин В. Е. Сиротина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. – Саратов, 1993. – Вып. 25.
7. *Гольдин В. Е. Сиротина О. Б.* Речевая культура // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.
8. *Федосюк М. Ю.* Репертуар жанров речи радиоведущих музыкальных программ // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.
9. *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. – М., 1999.